

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ЯПОНЦЕВ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Впервые о существовании японцев в России узнали через сибирских казаков в 1652 г. [7]. В одном из реставрированных документов, относящихся к амурскому походу Е. П. Хабарова, сообщалось, что «нивхи-гиляки нижеамурского селения Маго поведали русским, что к югу от устья Амура „по морю живут чижемы, от чижем идет к гилямкам железо и медь, и серебро, родитца ли в чижемах или нет, того они не ведают“» [7, 55—57].

Опубликованы же были в России первые сведения о Японии в 70-х годах XVII в. В книге «Космография 1670 года», в главе «О Иапонии, или Ианан-острове» приводились некоторые, хотя и неточные, данные о географическом положении этой страны, ее животном мире, природных ресурсах, занятиях жителей, их верованиях, нравах и обычаях, а также о государственном управлении Японией. Кроме того, в ней говорилось об отношениях японцев с португальцами, испанцами и голландцами [3, 379—389].

На основании этих данных была составлена общая характеристика Японии, включенная в «Наказ» Н. Г. Спафарию, отправленному царем Алексеем Михайловичем в 1675 г. послом в Китай. Спафарий был знаком и с приведенным выше известием сибирских казаков. О нем ему рассказал в 1674 г. в Посольском приказе есаул С. В. Поляков, получивший в 1652 г. указанное сообщение. Этот известный русский дипломат был первым, установившим, что под «чижемами» подразумевались японцы.

В рукописи о Японии (входившей в состав представленного в Посольский приказ Н. Г. Спафарием после его возвращения в Москву в 1678 г. описания Китая и сопредельных с ним стран) были приведены уже несколько более достоверные сведения.

В целом, однако, из-за отсутствия реальных данных представления о Японии в России носили еще фантастический характер.

В то же время нельзя не отметить, что на представленном Семёном Ремезовым в Сибирский приказ 18 сентября 1699 г. «Чертеже всех сибирских городов, рек и земель» был обозначен «Остров Апония» «против устья Амура», а в составленной им в 1701 г. «Чертежной книге Сибири» он использовал уже сообщения казаков, а также «Сказки» Владимира Атласова, присоединившего в 1697—1699 гг. к России Камчатку.

Первая из них была составлена в Якутской приказной избе в июне 1700 г.¹ В ней Атласов сообщал о Денбее, первом японце, с которым

¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 1423, л. 11—12.

русские вступили в контакт. Его Атласов нашел у ительменов на р. Иче и взял с собой в Анадырский острог, а оттуда отправил в Якутск. Из Якутска Денбей 18 февраля 1701 г. был отправлен в Москву в сопровождении казачьего пятидесятника Ивана Софронеева. В Москву Денбей прибыл в конце декабря того же года, а 8 января 1702 г. был представлен царю Петру I в селе Преображенском. В тот же день был издан указ, в котором говорилось, что, после того как Денбей изучит русский язык, он должен обучить «японскому языку и грамоте» трех-четырех русских².

До 1705 г. Денбей жил в Москве. Указом от 16 апреля 1702 г. он был передан в ведение Приказа артиллерии. Его показания в Сибирском приказе были записаны в «Скаске Денбея»³. «А тот полоненник, — говорилось в этом документе, — говорит немного по-русски и в Сибирском приказе сказался Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова Осака, а стольный того острова город Меако (Киото. — *О. П.*), расстоянием от Осака города верст с полтораста. В нем живет владетель того острова званием Дайин-сама (Дайри-сама. — *О. П.*). А отец Денбеев, Диса, живет в том же городе Осака, промышляет торговым промыслом. А он-де, Денбей, с товаром своего того же Осака города торгового человека, и именем Аवासжия, сына Матавина (Авадзия сына Матазмон'а. — *О. П.*), в найму у него с иными хозяина его наемными людьми, всего 15 человек на судне, да с ними на иных 30 судах — на бусах или кораблях, по их званию, едовни (вероятно, эдофунэ. — *О. П.*), длиною те суды сажень маховых по 15, а шириною и вышиною по 4 сажени — пошли было под парусами по морю-океану того же Японского государства в город Енду (Эдо. — *О. П.*), который стоит на взморье расстоянием от Асака (Осака. — *О. П.*) с 700 верст... и на океане-де море те их суда волнами разнесло — а куды те суды разнесло, про то он не ведает. А их-де судно носило по морю великим ветром 28 недель, и они-де, избывая от ветру, шоглы (мачту. — *О. П.*) с парусами срубя, опустили в воду, а с теми парусами потонули у них два человека. А в том судне была с ними пресная вода взята из Осака города, и той воды стало им на 2 месяца, а как воды не стало — тогда они пшено варили в вине, и, то вино выщедя, подсачивали пшено сахаром-леденцом и понемногу питались. И как-де ветры перестали, тогда по матошнику усмотрели, что их далеко в море унесло, стали домышлять, как бы им назад воротиться? И нашли в море небольшое дерево с корнем, и то дерево вместо шоглы на судне они поставили и сшили из камок паруса. И теми парусами принесло их к Курильской земле, и они, увидя реку, пошли той рекой вверх и дошли до Курильского на-роду»⁴.

Таким образом, из показаний Денбея русские не только узнали о названиях некоторых городов Японии, но и получили представление о японской торговле, которая, видимо, была довольно обширной. Кроме того, были получены сведения о размерах японских судов и расстояниях, на которые они плавали.

² Указание Петра I о необходимости начать в России изучение японского языка было проведено в жизнь. 16 октября 1705 г. Петр I приказал генерал-майору Я. А. Брюсу выяснить: «Японского государства иноземец Денбей русскому языку и грамоте в Приказе артиллерии выучился ль и своему языку и грамоте робят сколько человек выучил и ныне учит ли?» [2 отд. VIII, 4 см. также отд. VII, 171].

В литературе имеются разные сведения о времени открытия школы японского языка. Так, по мнению Н. П. Веселовского, она была открыта в Петербурге в 1705 г. [1]. Но А. Сгибнев указывает иную дату — 1706 г. [8]. Достоверные документы об этой школе еще предстоит разыскать в архивах петровского времени.

³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1282, л. 79об.—8^р.

⁴ Там же.

Сообщение Денбея о том, что потерпевшие кораблекрушение японцы через 28 недель смогли попасть на «Курильскую землю» (под которой в данном случае подразумевалась южная часть Камчатки), говорило о существовании морского пути от Японии к Камчатке. Это были очень важные сведения, свидетельствовавшие о возможности установления прямых контактов с Японией через Курилы.

В «Скаске» содержатся и некоторые сведения о государственном устройстве Японии. «В Японской-де земле, — сообщал Денбей, — владетель или царь, которому имя Кубо-сама, да наподобие патриарха — Дайро-сама (Дайри-сама. — *О. П.*), да меньше того Дайра властью — кинчю-сама (*кинчю* — знать. — *О. П.*) живут в граде Миако, а иной царь их переезжая живет в городе Енде (Эдо. — *О. П.*)»⁵. Таким образом русские узнали о дуализме системы правления в Японии, сочетавшей абсолютную светскую власть сёгуна (резиденция которого была в Эдо) и духовную власть номинального императора (тэнно), постоянно пребывавшего в Киото.

Большой интерес представлял также рассказ Денбея о денежной системе Японии. «А деньги у них, — записано со слов Денбея в „Скаске“, — медные называют жени (*дзэни*. — *О. П.*), подобно русским медным денешкам округлостью да толщиной, да серебряные деньги, которые называют у них гинь, весом близко московского золотника. А медных денег на серебряную копейку дают 50, а за той золотой — кован (*кобан*. — *О. П.*) серебряных их денег дают 40 копеек. А иные золотые большие — шириною вершка в два, которые называют убан (*обан*. — *О. П.*), а дают за них по 4 кована. А иные золотые есть меньше, которые называют ичим (*итимон*. — *О. П.*), за которые дают серебряных по 10 копеек»⁶.

Таким образом, Япония в рассказах Денбея рисовалась как государство с обширной торговлей и развитой современной системой денежного обращения. Не удивительно поэтому, что в среде русского купечества пробудился интерес к торговле с этой страной. Так, еще в 1716 г. несколько купеческих торговых домов обратились с ходатайством в сенат о предоставлении им права торговать с Японией [4, 449].

Под диктовку Денбея в Сибирском приказе было записано несколько десятков японских слов, первых в истории русской лексикографии японского языка [см. 6, 164]. Наконец, от него русские получили и некоторые сведения о религии японцев. Будучи сам буддистом, Денбей перечислил буддийских богов, почитаемых у него на родине [см. 6, 164].

Заканчивая рассказ об этом первом японце в России, следует подчеркнуть, что он был человеком грамотным. Данный момент специально отмечен в «Скаске» Атласова: «И тот де индеец (так ошибочно называл Атласов Денбея. — *О. П.*) сказал про себя, что он по-своему грамоте умеет, и был подъячим, и объявил книгу индейским (японским. — *О. П.*) письмом, и ту книгу привез он, Володимер (Атласов. — *О. П.*), в Якуцкой [острог]» [4 а, 14]⁷.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «В Камчатском остроге нашел он (казачий атаман Морозко.—*О. П.*), между прочим, неизвестные письма, которые и привез с собою. Мы тотчас увидим, что они были японские. Ибо, после Морозка на другой год отправившись, Атласов с большим числом служивых людей на Камчатку, и поставив на том месте, где в последующее время построен верхний Камчатский острог, ясажное зимовье, нашел на реке Иче одного японца, которого за два года перед тем принесло погодою к Камчатскому берегу и выбросило с судном при устье реки Опали, которая впадала в Пенжинское море от Большой реки под полдень» [4, 294].

Сообщение Денбея было существенно дополнено японцами, спасшимися в апреле 1710 г. с судна, потерпевшего кораблекрушение у побережья Камчатки — в Калигирской губе (севернее Авачинской губы). Первые сведения об этом поступили от камчатских казаков (в их челобитной на имя Петра I от 17 апреля 1711 г.). Казаки сообщали, что на берег выбрались десять японцев, которые тут же подверглись нападению камчадалов. Четыре японца были убиты, остальные шесть захвачены в плен. Четырех из них отбили казаки. Двое из этих японцев, научившись немного русскому языку, рассказали, что их родиной является расположенный на острове в Пенжинском море, против Камчатского мыса, Эдо, близ которого находятся еще семь городов.

Г. Ф. Миллер, изложив эту историю, добавляет, что один из этих японцев — Санима — был отправлен в Петербург, где стал помощником Денбея в школе японского языка при Сенатской конторе [4, 296—297], а после смерти последнего продолжал преподавать японский язык в той же школе до 1734 г. [см. 1, 157—159; 4, 304—305; 4а; 9, 446 и сл.; 12].

Профессор университета Сангё в Киото Ситиро Мураяма занялся выяснением личности Санима [см. 11, 69—78]. До самого последнего времени в Японии не было известно, откуда дрейфовало судно Санима и откуда последний был родом. Ситиро Мураяма на основании проведенных им лингвистических изысканий приходит к выводу, что родиной Санима было Хокуоку или Мацумаэ (Северо-Восточная Япония) [11, 73]. Дело в том, что имени «Санима» в японском языке нет. Ситиро Мураяма справедливо считает его производным от «Санэмон». В диалектах Тохоку (Северо-Восточная Япония), указывает он, общеприимский звук 'е' произносится как 'ie', т. е. является средним между 'i' и 'e'. «Санэмон» в таком произношении звучит как «Санимон». Другой особенностью этих диалектов является назализация гласных перед звонкими и носовыми согласными, что ведет к произношению «Санимо». У русских же казаков, по аналогии с привычными им мужскими именами, оканчивающимися на 'а' (Фома, Кузьма, Лука, Никита и т. п.), «Санимо» превратилось в «Санима»⁸.

Однако Ситиро Мураяма, использовавший в своей статье многие сведения, содержащиеся в русских публикациях разного времени, не был, по-видимому, знаком со статьей И. И. Огрызко [5, 167—199], к которой были приложены фотографии сделанной Г. Ф. Миллером копии «Чертежа как Камчадалского носу, також и Морским островам, коликое число островов от Камчадалского носу до Матмайского и Нифона островов», составленного монахом Игнатием Козыревским и помеченного 1726 г. [5, 187, 200—207]. На «Чертеже» имеются многочисленные надписи, сделанные Козыревским на основании сведений, полученных от одного из спутников Санимы — Кисити.

В этих надписях, в частности, довольно подробно излагается история приключений японцев на Камчатке. Так, против изображения рек «Шемячек, Березовые» на «Чертеже» записано: «Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю, и в то время неприятельские иноземцы в полон взяли и одного убили» [5, 201]. Рас-

⁸ На последнее обстоятельство автор данной статьи указала Ситиро Мураяма в письме, целиком приведенном в его статье: «В прошлом в России было много мужских имен, оканчивающихся на 'а': Фома, Кузьма, Лука, Никита и др. В особенности подобные имена были распространены у казаков. Такие имена изначально оканчивались на 'а', по аналогии и другие имена в просторечии также произносили с окончанием на 'а': Гавриил — Гаврила, Даниил — Данила, Михаил — Михайла (например, Михайла Татаринов), Еремей — Ерёма. Поэтому и Санэмон — Санимо стал Санима в русском и казаков произношении» [цит. по: 11, 76].

сказ продолжается в надписи против мыса «Камень» (южнее «Калиперской губы»): «На сем носу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу розбило пустую, понеже что было у них, то все в море сами они иноземцы сбросили. И носило четыре месяца. А бусу на море видели еще в марте месяце как носило» [5, 201]. Таким образом, точно датируется год и месяц, когда Санима и его спутники попали на Камчатку, и указывается место их высадки.

Дальнейшая судьба японцев освещается в двух надписях. В первой — в промежутке между изображением верховья р. Камчатки и восточного берега п-ова «Шипун» говорится: «В сих урочищах двух человек нифонцов Киста, Китара служилые люди взяли, а я (Козыревский. — *О. П.*) в то время морем шел и якори четыре из моря вынял и на землю в удобное место положил. А ныне где оные: или иноземцы нашли и взяли — и о том не ведаю» [5, 202]. Во второй — против рек «Ашпилова она ж Шолоды, Явина она же Шохожохойты» читаем: «Да с разбойной⁹ же бусы иноземцов трех человек Ширюкея, Тиски, Сана¹⁰ по разным рекам брал в показанных годах (имеются в виду 1711, 1712 и 1713 гг. — *И. О.*), в том же числе и выкуп дал за одного» [5, 200].

Итак, из надписей на «Чертеже» видно, что японцев осталось не шесть, как указывает Г. Ф. Миллер, а пять, и выясняются их имена: Ширюкей, Тиски, Сан, Кисть и Китара. Попытаемся восстановить их имена по-японски: Ширюкей, по-видимому, — Shirynhei, Тиски — Chosuke, Сан — Sanemon, Кисть — Kishichi, Китара — Kitago.

Имеется на «Чертеже» и надпись, позволяющая, на наш взгляд, решить вопрос о месте, выходами откуда были Санима и его спутники (в скобках даем наше прочтение): «Из Кинокуни города ходили в государство (т. е. Эдо. — *О. П.*) оные иноземцы Кисть (Кисити), Китара (Китаро), Ширюкей (Сирюхэй), Тиски (Тёсукэ), Сан (Санэмон — Санима) — всех четырнадцать человек с торгом, а имянно с лесом, и продав лес купили вино, табаку, гороху и возвратясь, своего города недошед дни за три, и отнесло их ветром в море, а хозяин из государства (т. е. Эдо. — *О. П.*) горою (по суше. — *О. П.*) в свой город уехал. А как их отнесло от земли, и стало на море бить волнами, и они дерево срубили и со снастьми опустили, и якорь с шеймою потеряли. А оные люди были работные из найму» [5, 206].

Итак, Санима и его товарищи отправились из пров. Кинокуни (старое название пров. Кин, расположенной в районе Кинки, т. е. Киото). Крайне важно при этом отметить, что диалекты пров. Кин имеют некоторые фонетические особенности, совпадающие с отмеченными выше в тохокских диалектах (т. е. уроженец этой провинции также вместо «Санэмон» скажет «Санимо»). Кроме того, кинским диалектам свойствен шипящий призвук в произношении 'S': Ширюкей вместо Сирюкей, Шэндай вместо Сэндай.

Наибольший интерес для нас, естественно, представляют нашедшие отражение на «Чертеже» сведения о Японии. Так, под заголовком «Матмайский остров» (Хоккайдо) там написано: «На сем концу стоит Матмай город по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцев Кистя, Ширюкея, Сана и других построен вновь не из давных лет, а которые люди явятца в каких винностях, и тех с Нифона-острова ссылают в Матмай-город в ссылку. И Матмайскаго города жители всякое ружье при себе имеют ради оберегательства, а в городе пушки, и

⁹ Разбойная — зд. разбитая.

¹⁰ Имена японцев. Напомним, что в токугавской Японии простолюдины не имели фамилий. Сан — аббревиация имени Санима.

ружьё, и всякий снаряд. И меж Матмайским и Нифоном островами в проливе с обеих земель прилегли носы, и когда бывает ветер боковой, а вода прибылая или упала, и тогда в пути бусам их великая нужда, а иногда и розбивает, понеже против де носов нешироко и место каменное-де. В означенном сим письмом таковым образом объявлял вышеписанной Кисть (Кисити) Матмайской остров на полулисте к Камчатской стороне и сказывал, что де иноземцы их званием Езо с Матмайского и других островов приходят в Матмай город с рыбою и с китовым жиром и кожами звериными, и знаются с Матмайского города с жителями, и по своему языку с ними говорят, и к ним из Матмая ходят. И мы де, нифонцы, далее Матмая в Сиверную сторону на иные острова не ходим» [5, 204—205].

На другом углу «Чертежа» против обозначения «Восток» сообщаются не менее интересные данные: «Город великой званием Шендай владение особливое, а владетель — родственник нифонскому царю. И от того города есть на море к государству (т. е. к Эдо. — *О. П.*) остров, на которой люди их съезжаются ради мольбища и привозят дары: золото и серебро и другие вещи. И множество де оного имения обретается, и ежели кто от того украдет, и тому скорое обращение бывает: жилы станет корчить и тело сохнуть. А ежели кто забвением учинит или на ногах принесет, и тем обличение бывает. Того ради имеют особливое на себе одеяние ради моления, а как возвратятся к судам, и оную одежду снимают с себя, и прилипший прах отрясают, и облачаютя в иную одежду» [5, 205].

Далее следует запись: «Стоит город близ моря званием Нанбу (княжество. — *О. П.*), особливое ж владение подданное, и которые морские бусы ходят в Матмай и другие города из государства их званием Фуней (по-видимому, *фунай* — префектура. — *О. П.*), и сего города не минуют, понеже в проливе стоит... Народ острова сего Нифона на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят, и ружья при себе держать им не повелено, кроме сабель, и то у знатных людей, тажко и торговым людям не велено ж, которые ходят и морем. А в службу де выбирают великовозрастных (т. е. высокого роста. — *О. П.*) людей и обучают по своей обыкности в особливом городе и тогда приводят в государство (т. е. в Эдо. — *О. П.*). А к воинскому делу зело неискусны и боязливы. Которые у меня (Козыревского. — *О. П.*) в полону были, когда увидят человека кровава (окровавленного. — *О. П.*), и тогда падут на землю или глаза руками закроют, и про других своих людей тажко сказывали.

Да близ де великой губы к государству есть остров караульный, которого не могут миновать морскими судами, и караул стоит крепкой, и входящих в государство и назад из государства осматривают накрепко: вначале людей и ружья и выписи на товары дают, а ежели найдут ружье и другое что, то без остатку обируют, а торговым указ чинят. А вышеописанное мольбище на сем острову или на ином, о том в достаток не уведомился, или близ моря стоит. Тажко и по земле по дорогам многие караулы стоят: близ государства торговых и всяких людей накрепко осматривают» [5, 205].

На краю листа, против обозначения «Сивер» идет следующая надпись: «На сей стороне за перелевом от Матмайского острова стоит город званием Цынаду (Цугару. — *О. П.*) — особливое владение, подданное Нифонскому государству их языком. И приходят с большой земли с Западной стороны из китайских городов и других владений и городов с торгами и путь морем в государство, а другой землю ездят в полмесяца.

А войны из давних лет у них на Нифоне острове меж большими

и другими владельцами и нифонским и узакинским (осакским. — *О. П.*) не сказывали, но токмо мир меж собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве узакинскому, а во востоке и сивере — нифонскому. А все ли владельцы в подданстве или не все ко оным большим государствам, о том в достаток не уведомился, понеже полоненные мною и служилыми людьми нифонцы русскому языку в достаток не навывкли, також и я большим разговором и поступкам не заобыкновен и прежде того иностранных государств людей не видел и обыкности не знал и ныне не ведаю таких порядков, как с начальными людьми государственными поступать надлежит» [5, 205—206].

Из приведенных отрывков видно, что японцы, попавшие на Камчатку, описали как Хоккайдо («Матмайский остров»), так и северо-восток Хонсю: Сандай, княжества Нанбу и Цугару.

Сообщили они и о внешней торговле Японии с Китаем и другими «владениями» (под которыми, вероятно, подразумевается Корея), и о внутренней торговле между Осака и другими районами феодальной Японии. Они отметили также и окончание междоусобной борьбы в стране.

Приведенные на «Чертеже» сообщения о государственной структуре Японии подтвердили сведения Денбея о дуализме правления в этой стране. Данные последнего были дополнены хотя и примитивным, но достаточно обстоятельным рассказом о японской феодальной системе. Более подробны, чем у Денбея, и географические и этнографические сведения о Японии. Ниже приводятся соответствующие надписи на «Чертеже».

«Всех де особливых владельцев у них на Нифоне острове близ седмидесять, у которые города каменные и малые пригородки под ними. Да у них же на Нифоне острове обретается Великий властитель, например, по нашему папа или ин кто, званием Фанно Сома (Тэнно-сама. — *О. П.*), и оному поклоняются большие их цари и владельцы и весь народ, и честь воздают по-нашему, что богу. Или оной Фанно Сома — бог их, о том в достатке не уведомился, и порядков вопросам не знал, а и полоненные иноземцы были не начальные люди, токмо в работе из найму ходили, чья буса была.

Государство стоит в великой губе морской над рекой, званием их Эдо общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы. А от моря по реке не в дальном расстоянии стоит, и морские суды не подходят, и стоят на усть-реки, а возят товары мелкими, на то устроенными особливыми судами, а приходят и отходят безпрестанно понеже зимы нет: в полдень в Узаку (Осаку. — *О. П.*), а в сивер к Камчатской стороне, к Матмаю и в другие города. А каменных городов в государстве два, на которых по стенам и по башням пушки и караул крепкой и всякое ружье огненное. И царя своего не выдают, а когда бывает ему ход, и в то время падут на землю и смотреть не смеют же. А звание оному царю Кубо Сома Танка (Кубо-сама тэнка — сёгун. — *О. П.*). И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают от себя ради управления наместников. А вокруг де Нифона острова на их бусах морем скорым путем едва можно де годишным временем обойти» [5, 206].

Далее в тексте к «Чертежу» отмечается: «В особливой в губе ж морской близ моря стоит город великой званием Иши (Исэ. — *О. П.*), особливое ж владение, а владетель званием Уал Сома (ува-сама? — *О. П.*) подобен нифонскому Кубо Сома (Кубо-сама. — *О. П.*).

Особливое ж владение — город Кинокуни. Да между сими городами стоит город званием Иманву (?).

Из Нифонского в Узакинское государство горою ходу сказывали

полтора месяца, а морем в два и в три и в один месяц бывают, понеже морской путь не равно.

А узакинскому царю звание Кубо Ноками Тенка (?). И во оное государство приходят из других государств и из Китайского государства, понеже из полоненных показанной Кисть (Кисити) в Узакинском государстве бывал и видал других государств торговых людей, и морские их суды, и сказывал в Узаке (Осаке) — де многое число всяких вещей обретается: серебро и медь и шелк родится и всякие дорогие добрые товары делают.

Да на их же земле на высокой горе, например, по-нашему будто монастырь великой, в котором обретается по их вере множество церквей и домов и безчисленно богомольщиков чернецов, которым и жалованье присылается от их царя, и всякие люди за моления им дают.

А хлеб у них родится по трижды в год: а овощ и всякой земли плод безпрестанно; а табак сеют, и множество родится, и делают; а шелковые и бумажные товары делают, ткнут мужики и бабы и оттого одежду имеют и торгуют» [5, 206—207].

Все изложенные выше сведения, как пишет И. Козыревский, ему сообщил японец Кисть (Кисити). Он же сделал «Чертеж» Японии с надписями на родном языке. Козыревский добавляет, что, узнав об этом, остальные японцы очень рассердились на Кисити, и он больше ничего не рассказывал.

Несколько слов о судьбе самого Козыревского. В 1717 г. он постригся в монахи под именем Игнатия. (Так он и подписался на «Чертеже»). По доносу Козыревский, несмотря на монашеский чин, был арестован и отправлен в Якутск для следствия, но сумел оправдаться. В 1724 г. он просил Якутскую воеводскую канцелярию отпустить его в Москву, где собирался рассказать «о пути в Японию». Его не отпустили, но сообщили о нем в Тобольск. Летом 1725 г. через Тобольск проезжал Витус Беринг. Тобольская канцелярия предложила Берингу расспросить Козыревского, а если понадобится, то взять его с собою в экспедицию. 6 июня 1726 г. состоялась их встреча, во время которой Козыревский передал Берингу свой «Чертеж».

И последнее. Хотя рассматриваемый «Чертеж» датируется 1726 г., однако исходные «чертежи», с которых он был заимствован, относятся к 1711, 1712, 1713 гг. Именно после экспедиции Козыревского в 1713 г. не только в Якутске, но и в Москве получили более широкое и достоверное представление о географическом, этнографическом и политическом положении Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, — «Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С. Петербурге, 1876 г.», т. 1, СПб., 1879—1880, стр. 97—256, 605—606.
2. Иванов П. Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку, — ВИРГО, СПб., 1853, кн. III, отд. VII, VIII.
3. Космография 1670. Книга, глаголемая Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих», СПб., 1878—1881.
4. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных, — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», т. 1, СПб., 1758.
- 4а. Оглоблин Н. Н. Первый японец в России 1701—1705, — «Русская старина», т. 72, 1891, октябрь, стр. 11—24.
5. Огрызко И. И. Открытие Курильских островов, — сб. «Языки и история народностей крайнего Севера СССР», Ученые записки ЛГУ, № 157, сер. Факультета народов Севера, Л., 1953, стр. 167—199, приложение, стр. 200—207.
6. Петрова О. П. Японский язык в России в первой половине XVIII в., — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 163—177.

7. Полевой Б. П. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652—1653 гг.),— «Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР, 1970», Л., 1971.
8. Сгибнев А. Исторический очерк главных событий на Камчатке,— «Морской сборник», т. СІ, 1869, № 4, стр. 65—142.
9. Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку.— «Морской сборник», 1863, № 12.
10. Егерман Э. Путь до Япон,— «Записки по гидрографии», т. XXXVIII, вып. 3, Петроград, 1914, стр. 446—456.
11. Мураяма Ситиро, Росиа-э но хёрюмин Санима-ни цуитэ (О Санеме, занесенном морским течением в Россию),— «Нихон Рэкиси», сентябрь, 1967, № 232, стр. 69—78.
12. Dostojewsky M. Rußlands Vordringen zum Stillen Ozean und seine erste Berührung mit Japan,— «Japanisch-Deutsche Zeitschrift», Neue Folge 2, 1930, тетр. 4—6.